

Г. А. Печников, А. П. Резван, С. Д. Назаров

ОБ ОСНОВНЫХ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ ТРЕБОВАНИЯХ, ВЕДУЩИХ К ОБЪЕКТИВНО-ИСТИННОМУ РЕЗУЛЬТАТУ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье с позиции научных принципов диалектико-материалистической гносеологии критически оценивается состязательная концепция уголовного процесса России, отрицающего объективную истину в интересах юридической (состязательно-выигрышной) истины.

Ключевые слова: диалектико-материалистическая гносеология, объективно-истинный уголовный процесс, состязательно-выигрышный процесс, объективная истина, юридическая истина.

G. A. Pechnikov, A. P. Rezvan, S. D. Nazarov

ABOUT BASIC GNOSEOLOGICAL REQUIREMENTS LEADING TO OBJECTIVELY TRUE RESULTS IN CRIMINAL PROCEDURE

In the article the authors exercise judgement in interpreting the adversary conception of the Russian criminal procedure denying the objective truth in favor of the legal (adversary winning) truth in terms of scientific principles of dialectic and materialistic gnoseology.

Keywords: dialectic and materialistic gnoseology, objectively true criminal procedure, adversary winning procedure, objective truth, legal truth.

Научно необходимой и верной для уголовного судопроизводства является постановка вопроса с позиции основных гносеологических требований, ведущих к объективно-истинному результату. На наш взгляд, эти основные гносеологические требования могут быть только диалектико-материалистическими. Мы исходим из того, что законы и принципы материалистической диалектики универсальны и всеобщы, поэтому их необходимо учитывать и в уголовном процессе. Диалектика — закон объективного мира и закон познания; диалектика — логика и теория познания современного материализма. Ядро диалектики составляет закон единства и борьбы противоположностей. «Все существующее (а значит, и все мыслимое) есть единство и борьба противоположностей» [1]. «... Именно *противоречие*, а вовсе не его отсутствие, оказывается той реальной *логической* формой, в рамках которой совершается действительное мышление, реализующее себя в виде развития науки, техники и «нравственности» [2]. Потому-то Гегель и имел право высказать свое парадоксальное утверждение: «Противоречие

есть критерий истины, отсутствие противоречия — критерий заблуждения» [3].

Стирание диалектических противоположностей, например, между добром и злом, субъективным и объективным, формой и содержанием, вероятностью и достоверностью — это не научный, не диалектический подход. Противоположности, наоборот, необходимо оттенять.

Однако ныне действующий УПК РФ этим научным требованиям диалектики не соответствует, поскольку стирает, сглаживает различия между противоположностями. Например, между целью и средствами; цель в нем не выходит за пределы состязательности. Как известно, законодатель в УПК РФ отказался от объективной истины как цели и принципа уголовного судопроизводства, от достоверного раскрытия преступлений, противопоставив объективной истине состязательность сторон в качестве концептуальной основы современного уголовного процесса. Совершенно иные ценностные и гносеологические ориентиры лежат в основе

состязательной модели УПК РФ: не раскрыть достоверно, объективно-истинно преступление, двигаясь в познании диалектически — от незнания к знанию, от субъективного к объективному, от вероятности к достоверности, от версии к объективной истине, а выиграть процесс (дело) в состязательном поединке сторон (обвинения и защиты). Вместо объективной истины — «состязательно-выигрышная истина», «истина победителя». «... Состязательному процессу, — писал Н. Н. Розин, — не может быть свойственно неограниченное стремление к материальной истине... Принцип, которым руководствуется суд в состязательном процессе, является принципом не материальной, а юридической истины, который более правильно называть принципом доказанности обвинения» [4].

В результате диалектико-материалистическая теория познания (гносеология), которая исходит из возможности достоверного познания человеком окружающего реального мира, существующего независимо от его сознания, отходит на задний план. Взамен — искусственные, формально-юридические состязательные «правила игры»: «уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон», «стороны обвинения и защиты равноправны перед судом» (ст. 15 УПК РФ), «самоценность процессуальной формы» [5] и др.

Диалектико-материалистическая гносеология нацеливает на «достижение объективной истины, содержанием которой являются фактические обстоятельства, характеризующие расследуемое событие, т. е. объективная реальность, а не субъективное представление о ней» [6].

Однако объективная истина в действующем уголовном процессе России и ориентация правоприменительной практики на ее установление оказались невостребованными. В УПК РФ она вообще не упомянута. Некоторые его разработчики вообще считают поиск истины в правосудии химерой [7].

Как обосновано отметил Г. В. Мальцев: «Когда некоторые юристы сегодня позволяют себе высказывания в роде: «Поиск истины в правосудии химера», это серьезный симптом регресса правовой мысли. Право остается во

власти науки и научных парадигм (объективности и истинности — авторы) в части, касающейся юридических фактов, событий, явлений, предметов, действий. ... Силу такой власти, видимо, не представляют себе люди, пытающиеся изгнать истину из права и правосудия. Истина и ложь существуют не сами по себе, а как признак или качество юридического знания. Есть истинное и ложное знание. ... Сама истина несет в себе некоторую ценность, этот исключительно важный для науки момент. ...» [8].

Далее, гносеология диалектического материализма исходит из принципа отражения, согласно которому объект существует независимо от субъекта, субъект отражает объект — вот основа объективности наших знаний, основа объективной истины. «Существование независимого от отражающих отражаемого (независимость от сознания внешнего мира) есть основная посылка материализма» [9, с. 124]. Теория отражения учит, что правильно и истинно лишь такое знание, которое отражает то, что есть в действительности.

«Для идеализма нет объекта без субъекта, а для материализма объект существует независимо от субъекта, отражаемый более или менее правильно в его сознании» [9, с. 81]. С материалистической позиции это значит, что нельзя стирать различие между объектом и субъектом. Если же находить «утверждение о независимости “реальности” от сознания человека не столь очевидным» [10, с. 24], значит, отрицать, на наш взгляд, принцип отражения, так или иначе отождествлять объект с субъектом, значит, исходить из того, что «нет объекта без субъекта», то есть отрицать объективную истину. В таком случае на смену правильному, истинному познанию реального мира приходит субъективная интерпретация событий и фактов, «комбинация ощущений», субъективное усмотрение, «отсебятина» и т. п.

«Материализм — признание “объектов в себе” или вне ума; идеи и ощущения — копии или отражения этих объектов. Противоположное учение (идеализм): объекты не существуют “вне ума”; объекты суть “комбинации ощущений”» [9, с. 18].

В этом плане трудно разделить утверждение Н. Н. Моисеева о том, что «мы оперируем только интерпретациями реальности и отождествляем последние с реальностью (то есть называем их реальностью). А интерпретация предлагается человеком и здесь нельзя ждать однозначности. ... Поэтому на вопрос о том, существует ли какой-либо иной мир, кроме того, который создан интерпретациями человека и который мы изучаем, я отвечаю однозначно — *нет*. Более точно: мы не имеем права говорить хоть что-либо о его существовании» [10, с. 27]. Отсюда логически следуют и такие суждения Н. Н. Моисеева: «... Но интерпретации остаются интерпретациями, и ни об одной из них нельзя сказать, что “так и есть на самом деле” [11, с. 228]. «Поэтому сверхзадача науки ... помочь избежать первой из иллюзий, с которой сталкивается исследователь: избавиться от веры во всемогущество разума, в возможность постижения всего того, что «есть на самом деле» [11, с. 227]. В такой позиции автора просматривается агностицизм, отказ от объективной истины и возможности ее установления.

В том же духе, не об объективной реальности и ее познаваемости, а о юридической (правовой) реальности, о юридической истине, об «интерпретации событий и фактов», о том, что юридическое познание носит не объективный, а вероятный характер и ведет к вероятной, правдоподобной истине, пишут и авторы книги «Состязательное право судьи» [12, с. 239—244]. Исходя из юридической истины, В. М. Розин отмечает: «... Мысль юриста разворачивается в условном плане... Знать определенно, какие были события *на самом деле*, юрист не может; ведь мертвое тело — это еще не событие. Человек мог умереть естественной смертью, его могли убить, его естественную смерть могли имитировать уже задним числом, он мог умереть после побоев. Какое из этих событий было на самом деле, знает один Бог... юрист может лишь *предположить* определенное событие... Итак, достаточно очевидно, что следователь создает определенные *интерпретации, версии событий*» [12, с. 241—242].

О том же пишет и Е. Б. Мизулина: «Действительно, уголовно-процессуальная деятельность всегда имеет дело с прошлым и вероятностным суждением о том, что имело место в действительности. По поводу неочевидного мы можем только предполагать, допуская, что оно имело «место в действительности» [13, с. 53]. «Судебная истина» может претендовать лишь на статус гипотезы» [13, с. 55].

Напротив, гносеология материалистической диалектики основывается на том, что истина, обнаружение которой является предметом усилий следствия и суда, состоит в полном и точном соответствии действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах рассматриваемого уголовного дела, о виновности или невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц [14].

Ревизия этого положения, реставрация давно уже развенчанной позиции, согласно которой юридическое познание носит вероятностный характер, — дело весьма небезобидное. Если объективную истину заменяет вероятность совершения преступления обвиняемым, то это не что иное, как просто подозрение. Как же это соотносится с позицией разработчиков УПК РФ о необходимости всемерной защиты прав, свобод и законных интересов обвиняемых? О какой научной обоснованности закона здесь можно говорить? Истинно ли уголовное судопроизводство, где не требуется установления истины [15, с. 16, 17]?

Примечательно, что при отказе от объективной истины в интересах «юридической (вероятной) истины» исходят не из объективной истинности квалификации содеянного, а признают лишь *релятивизм* юридической квалификации [12, с. 291], что означает, по существу, простор для субъективизма следователя, дознавателя, судьи.

К числу основных гносеологических требований, ведущих к объективно-истинному результату, относится и требование объективности, полноты и всесторонности познания. Это тот необходимый путь, который ведет к объективной истине. На органическую взаимосвязь цели и средств ее достижения указывал К. Маркс: «... разве характер самого

предмета (речь идет об истине) не должен оказывать никакого, даже самого ничтожного, влияния на исследование? Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинно, истинное исследование — это развернутая истина, разъединенные звенья которой соединяются в конечном итоге. И разве способ исследования не должен изменяться вместе с предметом?» [16, с. 7, 8]. И вот «предмет» с принятием современного УПК РФ действительно изменился. Либеральный уголовный процесс России исходит, как отмечалось, не из объективной истины, а из «согласительной-выигрышной (юридической) истины», поэтому и ведущий к ней путь основан не на всесторонности, полноте и объективности исследования материалов дела, а на противоборстве, состязании сторон. А это, по существу, разные вещи.

В. М. Сырых пишет: «В ранее действовавшем УПК РСФСР основные гносеологические требования были закреплены в ст. 21 в виде требований полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела. В действующем УПК РФ подобного предписания нет, но это вовсе не освобождает судью, прокурора, следователя и дознавателя от необходимости руководствоваться этими требованиями в своей деятельности, поскольку это необходимые условия любой познавательной деятельности, ориентированной на верное познание действительности. Гносеология как всеобщая наука действует везде, где есть действительное познание, независимо от того, закреплены ее принципы в законе или нет. Соответственно, и должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, не могут получить достоверных знаний, иначе как неукоснительно соблюдая и реализуя общие принципы гносеологии» [16, с. 229—300].

Безусловно, это важно, необходимо, и должностные лица, осуществляющие уголовный процесс, должны применять на практике общие принципы диалектической гносеологии, чтобы получить достоверные, объективно-истинные знания по уголовным делам. Но это свойственно

исследовательскому типу уголовного процесса, ведущему к объективной истине. Тогда как действующий УПК РФ — это принципиально иной тип уголовного процесса — *согласительный* — исключающий объективную истину; его основу составляют совсем другие ценности — либеральные, прагматически-выигрышные, несовместимые с действительно достоверным познанием обстоятельств уголовного дела.

Верно пишет Г. В. Мальцев: «... в новом российском уголовно-процессуальном Кодексе (2001 г.) снято упоминание об истине как принципе правосудия, который был закреплен в ранее действовавших кодексах. Не оказалось в нем и статьи, обязывающей суд принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. Многие новые институты уголовного процесса, похоже, намеренно не содействуют достижению истинности, полноты и объективности картины совершенного преступления» [8, с. 77].

Именно законодатель в согласительном УПК РФ, как представляется, сознательно блокирует, создает формально-юридические препятствия для применения должными лицами, осуществляющими уголовный процесс, общих принципов гносеологии, ведущих к объективно-истинному результату, поскольку ориентирует их на меркантильные, выигрышные, по существу, заниженные цели (в отличие от истинных целей). И большая разница, подчиняемся ли мы в своем сознательно осуществляемом мышлении этим логическим (диалектическим) законам и схемам гносеологии или же они действуют в нем вопреки нашим сознательно применяемым нормам и правилам [17, с. 166]. В определенной степени это происходит в судебно-следственной практике. Правоприменители — судьи, прокуроры, следователи и дознаватели интуитивно тянутся к объективной истине вопреки предписываемой действующим УПК РФ юридической (формальной, согласительной-выигрышной) истине.

В. М. Сырых отмечает: «Объективные цели могут быть реализованы в предметно-практической деятельности с помощью *специальных процедур*, способных сложную и

многообразную деятельность, осуществляемую судом, прокурором, следователем или дознавателем привести к объективно-истинному результату. Совокупность этих процедур, закрепленная уголовно-процессуальным законодательством, аккумулирует многовековой опыт борьбы государственных органов с преступностью, учитывает достижения современной правовой науки и также является объективной. Как известно, не только результат, но и ведущий к нему путь должен быть истинным» [16, с. 301]. Здесь, на наш взгляд, В. М. Сырых (вольно или невольно), по сути, выдает желаемое за действительное. Не следует забывать, что у современного либерального УПК РФ, как отмечалось, не «объективные», а «состязательные» («состязательно-выигрышные») цели. Стало быть, и средства («специальные процедуры»), применяемые в УПК РФ и приспособленные к этим целям, также носят не объективно-истинную, а состязательную направленность и ведут, соответственно, не к объективно-истинному результату, а к состязательно-выигрышному, (а для слабой стороны — к состязательно-проигрышному) результату. В состязании двух сторон всегда побеждает сильнейший (сильный, а не правый). «И разве способ исследования не должен изменяться вместе с предметом?» [18, с. 8]. «Способ исследования» действительно изменяется при кардинальной смене типа уголовного процесса. И отвечающий современным реалиям УПК РФ это наглядно подтверждает и демонстрирует.

Модель современного УПК РФ состязательная, поэтому в нем все «осостязательствовано»: и цель (назначение уголовного судопроизводства — ст. 6), и уголовно-процессуальные принципы (средства), и правовые институты. Вовсе не случайно в УПК РФ нет цели борьбы с преступностью (быстрое и полное раскрытие преступлений, неотвратимость ответственности виновных), а все сводится к подходу «состязание для состязания», все в пределах состязательности. Это подтверждает и сам В. М. Сырых, когда справедливо замечает, что в то же время и действующий УПК РФ не является безупречным с точки зрения способности закрепленных им

процедур обеспечивать получение объективных данных, поскольку проектанты и законодатель не смогли полностью устоять перед соблазном упростить уголовное судопроизводство и допускают возможность постановки обвинительного приговора без проведения судебного следствия в случаях, когда обвиняемый лично ходатайствует об этом и согласен с предъявленным ему обвинением; закрепленный УПК РФ принцип состязательности низводит положение суда до органа, который лишь формально оценивает представленные в ходе судебного следствия доказательства и не отвечает за поиск истины по делу. В результате создаются условия для того, чтобы в суде господствовала не истина по делу, а умение государственного обвинителя и защитника преподнести суду добытые доказательства по делу и др. [16, с. 303—304].

Далее, как уже отмечалось, согласно гносеологии материалистической диалектики полярные противоположности должны быть четко выражены и нельзя стирать, затушевывать различия между ними, например, между целью и средствами, формой и содержанием, вероятностью и достоверностью, истиной и заблуждением, неотвратимостью ответственности и безнаказанностью, презумпцией невиновности и презумпцией виновности, публичностью и диспозитивностью в уголовном процессе. Между тем законодатель в состязательном УПК РФ отходит от этих требований диалектики и сглаживает различия между названными противоположностями.

Так, статья 6 УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства», претендующая на цель судопроизводства, находится в главе 2 УПК РФ — принципы уголовного судопроизводства. Но принципы — это ничто иное как средства. Выходит, что цель в УПК РФ отождествилась со средствами. А поскольку все принципы в состязательном УПК РФ «осостязательствованы», то состязательность становится самоцелью всего нынешнего уголовного процесса, т. е. в УПК РФ нет цели, выходящей за рамки состязательности, за пределы подхода состязание для состязания.

В состязательном уголовном процессе процессуальная форма первенствует, главенствует над содержанием, содержание фактически отождествляется в нем с формой; явно проявляется «приоритетность установленной законом процедуры судопроизводства по сравнению с задачей установления фактических обстоятельств дела» [5, с. 8—9], т. е. приоритет формы, формальной истины над объективной истиной. Но как верно заметил В. В. Лунеев «процедура важна, но она не может быть выше искомой истины по делу» [19, с. 15].

Факт сглаживания, примирения полярных различий между презумпцией невиновности и презумпцией виновности в состязательном уголовном процессе (вопреки диалектике) проявляется в том, что если первое предложение ч. 2 ст. 14 УПК РФ действительно выражает важное правило, вытекающее из презумпции невиновности: «Подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность», то согласно второму предложению, на сторону обвинения возлагается лишь «бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого». Отсюда бремя доказывания невиновности подозреваемого или обвиняемого, обязанность выдвижения доводов в их защиту переходит на саму сторону защиты, а это уже есть факт проявления сущности презумпции виновности. «Состязательная» конструкция презумпции невиновности в УПК РФ не случайна, поскольку здесь она служит не достижению объективной истины, а «вполне сочетается только с принципом юридической (судебной) истины...» [20, с. 91].

Поскольку законодатель не обязывает правоприменителей в УПК РФ устанавливать объективную истину, то и *публичность* утратила в нем значение формообразующей идеи. Вместо этого аналогичное значение для состязательного уголовного процесса теперь имеет *диспозитивность* [20, с. 85, 98], т. е. свобода сторон распоряжаться своими правами в своих практических интересах.

Согласно диалектической гносеологии объективная истина — есть процесс, она всегда *доказывается*. То есть она не может быть дана в «готовом виде», например, в виде версии, гипотезы, фактической презумпции, не может она и «состязательно-выигрываться». Объективная истина не может возникнуть мгновенно, подобно «пистолетному выстрелу», по выражению Гегеля. Истина — это процесс постепенного постижения, становление, и результат, как бы он ни был высок, ничто без пути, приведшему к нему. «Ибо, — как писал Гегель в “Феноменологии духа”, — суть дела исчерпывается не своей *целью*, а своим *осуществлением*, и не *результат* есть *действительное* целое, а результат вместе со своим становлением» [21, с. 8]. Один результат, на его взгляд, это труп, оставивший позади себя жизнь.

Если гносеология материалистической диалектики исходит из необходимости признания таких противоположностей, как *относительное* и *абсолютное*, то действующий состязательный УПК РФ весь пронизан гносеологией релятивизма: все относительно, условно, «разрешено все, что не запрещено законом» (в частности, подозреваемый и обвиняемый вправе «защищаться всеми не запрещенными настоящим Кодексом способами и средствами» — ч. 2 ст. 16 УПК РФ), все релятивно, отрицаются какие-либо абсолютные ценности, к каким по праву следует отнести и права личности и объективную истину. Для УПК РФ все относительно, ничего абсолютного нет, нет объективной истины, а есть «плюрализм истин», мнений, не существует какой-либо объективной справедливости, а есть лишь «справедливость победителя» — вот смысловой подтекст состязательного уголовно-процессуального законодательства России. Относительны, соответственно, в нем и законные права личности (обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика), поскольку напрямую зависят от выигрыша — проигрыша стороны в процессе. Не приемлется в либеральном УПК РФ и

принцип неотвратимости ответственности виновных в преступлении.

Законодатель в реформированном уголовном процессе существенно поменял приоритеты. Вместо бескомпромиссной борьбы с криминалом — «правовой спор» равноправных сторон (государства и личности), в котором каждая из сторон имеет право на «успех»; вместо полного раскрытия преступлений — «выигрыш дела». В результате противостояние преступности в стране резко снизилось.

Права личности, правовые гарантии в уголовном процессе не должны браться абстрактно, отвлеченно, «сами по себе», как-то: «права для прав», «гарантии для гарантий», «процессуальная форма для формы», «состязание для состязания», но непременно должны браться в неразрывной связи с необходимостью достижения высокой социально значимой цели — борьба с преступностью, достижение объективной истины по уголовным делам — это также относится к научным требованиям диалектико-материалистической гносеологии. Однако сейчас контроль над преступностью, объективная истина противопоставляются защите прав личности, хотя эти аспекты не делимы. Верно отметил В. В. Лунеев: «Реалистический научный подход исходит из того, что контроль над преступностью является целью системы уголовной юстиции, а соблюдение прав личности — одним из самых важных, но средств его достижения. Защита прав личности — более широкая цель, осуществляемая не только в процессе уголовного судопроизводства, но во всех сферах деятельности. Однако без контроля над преступностью, которая в нашей криминальной стране является самой грубой и крайней формой нарушения прав человека, вообще невозможна успешная реализация защиты прав личности» [20, с. 14].

Таким образом, вместо твердого следования научным принципам материалистической диалектики, гарантирующим достижение объективно-истинного результата по уголовным

делам, мы имеем в реформированном либеральном уголовном процессе России состязательные «правила игры», обеспечивающие победу более опытной, более искусной в правовом поединке стороне. Это процесс выявления «силы», а не «истины», бесспорно, выгодный *сильному*, но не *правому*.

Список библиографических ссылок

1. Лосев А. Ф. Дерзание духа. М., 1988. С. 68.
2. Ильенков Э. В. Проблема противоречия в логике // Диалектическое противоречие. М., 1979. С. 126.
3. Гегель. Работы разных лет. Т. 1. М., 1970. С. 265.
4. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. СПб., 1914. С. 303.
5. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2006. С. 16.
6. Карнеева Л. М. Достижение истины как цель доказывания // Советский уголовный процесс: учебник для вузов МВД СССР / под ред. д-ра юрид. наук, проф. С. В. Бородина. М., 1982. С. 117.
7. Именно так заявила одна из руководителей группы разработчиков УПК РФ Е. Б. Мизулина в прямом эфире «Пресс-клуба» (12 июня 2002 г.): «Поиск истины в правосудии — химера». Цит. по: Гос-во и право. 2003. № 7. С. 110.
8. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2007. С. 78.
9. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5 изд. Т. 18. М., 1973. С. 124.
10. Моисеев Н. Н. Универсум. Информация. Общество. М., 2001. С. 24.
11. Моисеев Н. Н. Тирания истины. Вера в силу практического опыта. Заслон средневековью: сб. М., 2003. С. 228.
12. Розин В. М. Новая ситуация в юриспруденции: формы познания // Состязательное правосудие: тр. науч.-практ. лабораторий. М., 1996. Вып. 1. Часть II. С. 239—244.
13. Мизулина Е. Б. Независимость суда еще не есть гарантия правосудия // Гос-во и право. 1992. № 4. С. 53.
14. Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955.
15. Побегайло Э. Ф. Избранные труды. СПб., 2008. С. 16, 17.
16. Сырых В. М. Логические основания общей теории права. Т. 3: Современное правопонимание. М., 2007. С. 299—300.
17. Ильенков Э. В. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма (размышления над книгой В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»). М., 1980. С. 166.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. М., 1955. С. 8.
19. Лунеев В. В. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России // Гос-во и право. 2004. № 1. С. 15.
20. Уголовный процесс России: учебник / А. С. Александров [и др.]; науч. ред. В. Т. Томин. М., 2003. С. 91.
21. Гегель, Георг Вильгельм Фридрих. Наука логики: в 3-х т. Т. 1. М., 1970. С. 8.